

Ковалев Геннадий Филиппович

Кафедра славянской филологии

Воронежский государственный университет

e-mail: kovalev@phil.vsu.ru

РУССКИЙ МАТ И ЕГО ОТРАЖЕНИЕ В АНЕКДОТАХ

Аннотация: Статья рассматривает различные аспекты нетривиального бытия так называемого русского мата в бытовом общении: проблемы происхождения и исконной семантики древнейших слов в языке славян; проблема их современного понимания, оценки и роли в общенациональном языке. Автор полагает, что вся древняя, сейчас нецензурная, лексика в далеком прошлом была общеславянской, сакральной и ни в коем случае не ругательной или низкой. Это в равной мере относится и к собственно «матерному» выражению, и к лексике, обозначающей порождающие органы человека. Также рассматриваются проблемы функционирования матерщиной лексики в современных русских анекдотах.

Ключевые слова: мать, мат, матерщина, сакральность, названия гениталий человека, ругательная лексика, табу, общеславянская лексика, анекдот.

В 1981 г., будучи на работе в Польше, я просматривал немецкие книги в самом крупном книжном магазине Варшавы (мне срочно потребовалась Грамматика М.В. Ломоносова, изданная факсимильно в Лейпциге). Нашел, посмотрел еще и неожиданно раскрыл брошюрку, изданную в ГДР, но не на немецком, а почти родном для русского человека, да еще знакомым и со старославянским языком, на серболужицком языке. Называлась она на русский слух очень неприлично: «Objebany skurjenc». Правда, поскольку я специализировался на славянских языках, мне не стоило большого труда почитать эту детскую книжечку, как оказалось, это были довольно известные сказки, а название по-русски было обыденным: «Обманутый скупец». Меня потрясло, как это серболужицкое слово сохранило древнее, почти первичное значение? Хотя и русский «неприличный» глагол тоже сохранил это значение. Вот я и стал просматривать славянские словари на предмет поиска этого слова. И практически везде, кроме серболужицкого

языка, где слово *‘обмануть’* употреблено в двух разных значениях, находил это слово, но уже только с «неприличным» значением.

Откуда же взялся русский мат? Кто к нам его занёс? А никто нам его никогда не приносил. Это наше родное, тщательно скрываемое детище. Практически нет отечественных официальных словарей, в которых бы матерщина соседствовала со словарными статьями высокого стиля. Упоминание о некоторых словах такого типа есть лишь в словаре В.И. Даля, да и то, только в Бодуэновой редакции (Даль 1909: 1244), да ещё в таком специальном словаре, как Этимологический словарь славянских языков (ЭССЯ 1981: 114). Упоминание этих двух словарей уже говорит о многом: данная лексика древняя, чисто славянская и глубоко народная. Жизнь неприличных слов напоминает историю человеческого общества: человек рождается голым и нисколько этим не смущается, а если позволяет климат, то и всю жизнь ничем себя не прикрывает. В тех же местах, где человеку необходимо от климата защищаться одеждой, было выдуманно, что голый – это весьма и весьма неприлично. А.А. Ахматова, отметив, что греки своих богов изображали нагими, гневно заявила: «Считать наготу непристойной – вот это и есть похабство» (Чуковский 1991: 107). Та же ситуация с одеждой была потом повторена в славянских языках и со словами, обозначающими гениталии и процесс порождения нового поколения.

Общеславянский глагол **jebati/jebti* мог иметь два значения: 1) бить, ударять и 2) обманывать. Значения эти только на первый взгляд кажутся совершенно разными. На самом же деле связь между ними самая прямая: могу *стукнуть*, могу и *обмануть* (не стукнуть). В первом случае будет больно, во втором – обидно. Интересно, что и в русском языке эти же значения вполне сохранились, ср.: *jebanut’* – ‘ударить, стукнуть’; *objebat’* – ‘обмануть’. Эти значения сохранились практически во всех славянских языках, но вполне легитимно, а не зацензурно они существуют (и активно функционируют) в лужицких языках. Не будем брать обычные словари (типа словаря Арношта Муки, который сродни словарю В.И. Даля в Бодуэновой редакции), возьмём «официальный» орфографический словарь верхнелужицкого языка и обнаружим там следующее: *jebačny* – ‘обманный’, *jebak* – ‘обманщик’, *jebanje/jebanstwo* – ‘обман, мошенничество’, *jebać* – ‘обманывать’ (Völkel 1981:145). Видимо, и настоящая фамилия чешского поэта-символиста Вацлава *Ебавого* (псевдоним – Оттокар Бржезина, 1863-1929) была связана с этим же корнем и с этим же значением.

Интересно, что в словаре верхнелужицкого языка, составленном в 1693-1696 гг. Абрахамом Френцелем, корень глагола *jeb-* обозначен как совершенно невинный, со значением 'обманывать, вводить в заблуждение'. Здесь же даётся и семантика, которая впоследствии, возможно, вывела этот корень в «неприличные»: не только 'обманывающий' – *fraudo, fallo*, но и сам 'заблуждающийся' – *erro*, т.е. 'находящий ошибочный приют' (Frenzel 1978: 44). Однако выражение этих значений в данной форме восточнославянские языки полностью табуировали вследствие перехода лексики, выражающей эти значения, в разряд инвективной. «Похабное» значение глагол **jebati/jebti* мог приобрести уже в общеславянскую эпоху, доказательством чему служит наличие его в целом ряде славянских языков (болгарский, польский, сербский, чешский, все восточнославянские). Значение это в современном русском вербализовалось в значительной степени через посредство телевизионных американизированных переводов в слове *трахать(ся)*. Именно с этим значением (и, видимо, довольно давно) глагол **jebati/jebti* вошел в ставший уже междометием фразеологизм *job tvoju mat'*.

Мы не имеем прямых доказательств этому в ранних письменных источниках, но позднейшие исторические факты красноречиво свидетельствуют об этом. Так, великий князь Владимир (святитель Руси) начал править в Киеве после убийства родного брата Ярополка, только женившись на его невесте – Рогнеде и взяв в наложницы его жену гречанку (грекыню) Анну, уже беременную и затем родившую ему сына убиенного Ярополка – Святополка.

Князь Мстислав (сын Владимира Мономаха), убив касожского (адыгского, абхазского) князя Редеду, в жены взял себе жену убитого, притом, что очень важно, уже имевшую от Редеди двух сыновей. Мстислав назвал пасынков Юрием и Романом, позднее выдав за последнего свою дочь.

Характерен и пример взаимоотношений княгини Ольги с древлянами. Как известно, её муж, князь Игорь был убит древлянами из-за непомерной жадности при сборе налога с древлян. Ольга трижды жестоко (одна из первых христианок на Руси!) отомстила древлянам. Однако древляне предпринимали попытки примирения, в частности, засылали сватов к Ольге, чтобы она вышла замуж за их князя Мала: **«Реша же Древляне: Се князя оубихомъ, помем жену его Вольгу за князь свой Малъ»** (ПСРЛ-1 1962: 55).

У других народов тоже было такое, например, брачная уния: литовский князь Ягайло (польск. Jagiełło) женился на польской королеве

Ядвига и был провозглашен польским королем; вследствие этого прекратились столкновения между Польшей и Великим княжеством Литовским, а их вооруженные силы объединились.

Поэтому проницательный знаток истории славянской лексики Р. Брандт, сопоставив глагол *jebati/jebti с древнеиндийским jabh (jábhati-te), пришел к верному выводу: «Как переходное значение для чешско-лужицкого слова приходится выставить «ругаться по матерному», предполагая существование матерщины у праславян и отказываясь от объяснения ее у русских и у сербов заимствованием у татар и у турок» (Брандт 1915: 355). Нельзя не согласиться при такой постановке вопроса с казалось бы парадоксальным мнением того же Р. Брандта, что «матерная брань коренится не в презрении к матерям, а в уважении: при первоначальном, сознательном, ее употреблении, несомненно имелось в виду, что человек сильнее, чем личную обиду, почувствует обиду, нанесённую его матери» (Брандт 1915: 356).

В блестящей работе И.Б. Качинской по лексеме *мать* в архангельских говорах, найдено существенное решение проблемы субъекта в триадной фразеоме ЁТМ: «Возможно, косвенным доказательством первичности грамматического 1-го (а не 3-го) лица является запрет материться именно женщине: абсолютная бессмысленность и аграмматизм фразы ЁТМ, если ее произносит женщина, говоря от 1-го лица, в дальнейшем могли спровоцировать этический запрет уже при грамматической неопределенности фразеологизма» (Качинская 2011: 155).

Что же касается «неприличных» наименований гениталий, то и они не позаимствованы из тюркских языков, а имеют глубокие общеславянские корни. Название мужского органа, как известно, состоит из трёх букв. И оно является однокоренным словам *хвост* и *хвоя* из древнего корня **xī-* с первичным значением ‘отросток, побег’. Полагаю, что аналогичен ему и общеславянский корень **sī-* со значением ‘род’ (*gen-*), от которого пошли слова *свой*, *свобода* и *словъне*. Так же трактует и Е. Подвальная: «Известное же для русского языка слово *хуй*, *хуя* этимологически трактуется как родственное лит. *skuja* ‘хвоя’; примечательным является рефлекс этого слова в албанском *hu* ‘кол, *membrum virile*’; здесь мы видим то же семантическое развитие, что и в исп. *sarajo*, возводимом к гр. *χαράκιον*, деминутиву от *χαράξ* ‘кол’. Данное русское слово относится, таким образом, к группе слов, объединенных вокруг индоевропейского **skou-* ‘быть острым’ и согласуется с распространенной семантической моделью» (Подвальная 1996: 78). Первая фиксация этого слова в русском языке принадлежит ... немцам, которые просто не могли не включить его в

свой разговорник, причем снабдили его праславянским синонимом: «Chuy. Aber. Kur. Meüster manck den schenkeln» (Fałowski 1994: 33).

Другое слово, которое как бы сначала было эвфимистическим прикрытием слова х*й, это слово *хер*. Для сохранения прикрытой семантики оно тоже начинается на Х! Однако происхождение этого слова связано с названием буквы Х в кирилло-мефодьевской азбуке – *хер*. Как и генитальное слово, оно может обозначать и нарушение невинности девушки, то есть поставить на ней крест (как мы перечеркиваем ненужный текст).

Вот его и использовала в своем каламбуре Ф.Г. Раневская, хотя и на японский лад:

«Одна из хороших знакомых Фаины Георгиевны постоянно переживала драмы из-за своих любовных отношений с сослуживцем, которого звали Симой. Периодически он ее бросал, она регулярно обливалась слезами после очередной ссоры, время от времени делала от него аборт. Благодаря Раневской к молодой женщине приклеилось прозвище: Жертва Хера Симы». (Раневская Ф.Г. «Дневник на клочках»).

Однако в русском языке кроме этого слова есть ещё слово, обозначающее вообще половой орган (чаще мужской) – *mude*. Сравните приводимое М.М. Пришвиным народное название травы: «Кувшинки еще не цветут, торчат острые резак (мудорез)...» (Пришвин 2004: 76). Правда, это слово (*mude, muda*) первично обозначало мошонку (мужские яички), отсюда бранное слово *mudak*, прежде обозначавшее мужчину со слишком большой мошонкой, которая мешала ему в хозяйственных работах. Кстати, фамилия *Мудаковы* была распространена у донских казаков (см.: Корягин 1997).

Название же женского полового органа происходит от общеславянского глагола **ri'sati*. После падения редуцированных глухой *s* перед звонким *d* получил озвончение (*z*), модель слова такая же, как и в слове *узда*. Самая старая фиксация отмечена тем же А. Фаловским в том же немецко-русском разговорнике и тоже с синонимом: «pisda. Aber. Manda meisterine manck den benen» (Fałowski 1994: 33).

По болгарским данным из сферы диалектной лексики и народной ономастики, наша трактовка более верная: этим именем в болгарской гидронимии часто называется любая расщелина в скале, из которой течёт вода, сравните такие гидронимические названия, как *Пизда, Пиздина Вода, Пиздица, Пиздишка рьяка* (Балкански 1996: 36-37; Ангелова-Атанасова 1996: 338).

Более обширный список вариантов с этим словом в болгарский микрогидронимике дает Й. Заимов: *Пиздина падина, Пиздинкьовец, Пиздиница, Пиздица, Българска Пиздица, Пиздишки кладенъц, Пиздишка чешма, Пиздичъ бунаръ, Пиздичка бара, Пиздишки дол, Пиздишки кайрак, Пиздра, Пиздрица, Пиздулки* (Заимов 2012: 503-504).

Последние находки новгородских берестяных грамот позволяют с уверенностью сказать: слово *пизда* в XII веке на Руси тоже не было похабным. Сравните текст грамоты:

«Маренко пей пизда и сѣкыле»

и сколь благонаравно и благопристойно звучит перевод этой грамоты №955, сделанный крупнейшим знатоком берестяных грамот А.А. Зализняком: «Маренка! Пусть же напьется (набухнет) рождающее лоно!» (Зализняк 2006: 8).

Относительно лексемы *manda* польский исследователь категорично заметил: «*Манда* является безо всяких сомнений заимствованием из польск. *męda, menda*, ‘зоол. *phithirius pubis* a. *pediculus pubis*, owad *rółpokrywy wszowaty*’ (Słownik języka polskiego. Warszawa, 1902, t.II, s.933). Этимологически связано прасл. *mądo* ‘*testiculus; jądro*’ (Brückner 1927: 607)» (Fałowski 1996: 88). То есть эта этимология ведёт опять-таки к ‘яйцу’. Это ругательное слово в русском языке закрепилось именно в отношении или безнравственных, или нечистоплотных женщин. Приведу пример из анекдота, в котором обыгрывается данное слово:

– Профессор задаёт студентке вопрос:

– Как назывались документы, удостоверяющие те или иные полномочия представителя?

– Не знаю...

– Мандаты!

– На себя посмотри, старый козёл!!!» (Самые смешные анекдоты с утра до вечера. М., АСТ, 2022, с.32).

Кстати, еще одна «матерная», очень популярная в разговорном дискурсе, формула, использующая исконно славянские названия гениталий («*пошел/ пошла на х..*» или «*в п....*») не являлась в древнюю эпоху ругательством. Эти выражения лишь подчеркивали, что люди, к которым было обращено такое выражение, совсем ничего не умеют делать (в конкретных случаях), они должны вернуться туда, откуда появились (тогда еще не могли сказать: *Да пошел ты в зад!* Это было бы основательным оскорблением). Поэтому данное выражение более всего синонимично слову *мудак*, конечно же, в отношении особей мужского пола.

О древнем слове *блядь* хорошо сказал В.В. Колесов: «Кстати, и известное слово, именуемое распутницу, по происхождению – высокий славянизм, и до XV в. оно имело значение ‘лжец, обманщик’ (что связано с общим значением корня, того же, что и в слове заблуждение)» (Колесов 1991: 77). И действительно, в русском языке сохранилось слово *блудить*, первое значение которого было – ‘заблуждаться, стоять на распутье и не знать истинной дороги’. Второе же значение его уже телесное – буквально ‘распутничать’. Польский язык тоже сохранил первичное значение этого корня: *błąd* – ‘ошибка, заблуждение’, *błąkać* – ‘блуждать, бродить без цели’ (отсюда сравните русск. *блукать*), *błądny* – ‘ошибочный, неверный’ и *błądnik* – ‘лабиринт, ошибочный или непонятный путь’. Далее В.В. Колесов говорит о проблеме фиксации слова *блядь* в словарях: «В прямом значении оно употреблялось долго, но во времена бироновщины исчезло из книг как слово непристойное. Академические словари его не включают, но «Словарь русского языка XVIII века» дает его со всеми производными, оговаривая, что после 30-х годов оно стало непечатным» (Колесов 1991: 78). Однако в народе это слово живет полнокровной жизнью. Используется оно в двух значениях: 1) распутная женщина, 2) гораздо реже, просто междометие, лишённое какого-либо смысла, но повторяемое через слово.

В связи же с современным, практически почти междометным употреблением этого слова, приведу абсолютно реальный анекдот:

Приехала группа английских студентов в Москву на курсы русского языка. Прошло незаметно три месяца обучения. Преподавательница говорит:

– Дорогие ребята! Завтра вы уезжаете к себе домой. И хотя мы сегодня отдыхаем, я вас очень прошу не стесняться, и если у вас есть какие-то вопросы, неясности, то, ради Бога, спрашивайте.

Встает один из студентов.

– Дорогая Мария Петровна, сегодня, прощаясь с вами, я хочу вам сказать огромное спасибо за то, что вы превосходно нас обучили русскому языку. Но все-таки есть один неясный для меня вопрос. Скажите, пожалуйста, во фразе «кто последний за водкой?» неопределенный артикль *блядь* ставится в начале фразы или в конце?»

А наша гениальная актриса Ф.Г. Раневская с этим словом «оскоромилась»:

«Меня пригласила к себе образованнейшая, утонченнейшая женщина XIX века Щепкина-Куперник. Я благоговела перед нею, согласно кивала, когда она завела речь о Чехове, о его горестной судьбе и ялтинском одиночестве, когда супруге все недосуг было приехать. После третьей рюмки я почувствовала себя достаточно раскрепощенно:

– Татьяна Львовна, а ведь Ольга Леонардовна Книппер-Чехова – блядь.

И обмерла от ужаса: сейчас мне откажут от дома!

Но изысканная Татьяна Львовна всплеснула ручками и очень буднично, со знанием дела воскликнула:

– Блядь, душенька, блядь!.. » (Раневская Ф.Г. «Дневник на клочках»).

И, наконец, о том слове, точнее междометии, которое сейчас повсеместно заменяется эвфемизмом *блин*. Вот два примера, где фиксируются разные современные значения этого слова:

«Шел слон по дороге. Наступил на Колобка.

– Вот, блин – сказал слон».

«Мужик на телеге приезжает в село:

– Люди!!! Я уголь привез!!!

Усталая лошадь оборачивается и говорит:

– Ага, блин. ТЫ привёз...»

Вся наша «нехорошая» лексика – исконно родная, славянская, связанная тысячами нитей с общенациональным лексическим богатством всех славянских языков, с творчеством наших предков, творцов слова, поэтому негоже лингвистам отворачиваться от неё. Писателям же можно ею пользоваться только тогда, когда без этой «нехорошей» лексики теряется содержательность и образность произведения, а также его языковая идентичность.

Однако, как говорится: «Юмор бывает блестящим и матовым. Последний доходчивее». Поэтому в таком популярном русском, почти народном, жанре юмора, как анекдот, мат сверкает всеми своими могучими возможностями (метафора, гипербола, игра с омонимами, паронимами, даже намеренные умалчивания и т.д.):

– Мама! Папа с лестницы упал!

– Ой, что с ним? Что он говорит?

– Матюки пропустить?

– Ну, конечно!

– Он молчит.

– Что сказал тебе отец, когда узнал, что ты разбил его автомобиль?

– Ругательства опустить?

– Разумеется.

– Ни слова.

Возвращается Вовочка из школы отец спрашивает:

– У вас сегодня было рисование. Что рисовали?

– Маму.

– Как? Опять? Вы же на прошлом и позапрошлом уроках мам рисовали.

– А что делать, если учитель пришел и как закричит: «Эй, вы! А ну быстро рисуйте, мать вашу!»

– Вовочка, где же ты научился так ругаться?

– Этому, Марь Ивановна, научиться нельзя – это природный дар.

Вовочка на уроке литературы стоит у доски и бубнит себе под нос.

Учительница:

– Вовочка, читать надо с выражением!

Вовочка в шоке:

– Марь Иванна, какие выражения?! Это же Пушкин!

Вовочка получил «двойку» по физкультуре. Отец спрашивает:

– За что тебе учитель поставил двойку?

– А он попросил меня обложить козла матами. Ну, я и обложил...

Урок русского языка в украинской школе. Учитель:

– Вовочка, слово «шабля» переводится на русский язык как «сабля», а не как «тихо, девочка!»...

Мама учила не материться, но жизнь научила не материться только при маме.

Поэма написана трехэтажным... ямбом.

– Где ты пропадал три дня?

– Был на курсах «Жизнь без мата».

– А-а... И как?

– Раздосадован. Идите прочь...

У евреев национальность определяется по матери, а у русских по матери определяется и всё остальное.

Сидит мужик, на поплавок смотрит. Час сидит, другой... На третий час в ванную заходит жена:

– Ладно, х*й с тобой! Иди на рыбалку, а то мне постирать надо!

Бабушка читает сказку внуку:

– Летит по небу Змей Горыныч и кричит благим матом...

– Бабушка, а как это благим матом?

– Ну-у, вот так:

– Э-ге-ге-ге-ээй, бля!

– А вы матом ругаетесь?

– Не только ругаюсь, но и похвалить могу.

Вот наш учитель русского языка и литературы. Как узнать кого в нем больше: учителя русского языка или литературы.

– Надо написать на доске нецензурные ругательства с ошибками.

Отучить ругаться матом не сложно. Перестать матом думать – вот это проблема.

Попробуйте объяснить иностранцу, что хвалиться – это хвалить себя, а ругаться – это ругать другого.

В России на детских кубиках буквы Х, У и Й находятся всегда на одном кубике. Так, на всякий случай...

Это здание построено по уникальной, ныне утерянной технологии – без единого матерного слова...

– Я придумал новое ругательство: небоскрёб!

– Что ж тут ругательного?

– Во-первых, звучно. Во-вторых, многоэтажно. А в-третьих, концовочка какова!

Какой должна быть идеальная жена?

Идеальная жена должна быть хорошей б., иметь большую ж., и крепко держать х.

Примечания: б. – бабушкой ж. – жилплощадь х. – хозяйство.

А если она обладает еще и тем, о чем ты подумал...

Приходит поэт к редактору журнала. Редактор:

– С чем пришел?

– Да вот, песня...

– Как называется?

– «Эх, твою мать!»

– Хорошо, только «Эх» выкинем: цыганщиной отдаст!

– Рядовой Сидоров, да что вы материтесь как малое дитя?

– Я не матерюсь, товарищ лейтенант, это у меня голос такой.

Названия студеных рек Убля и Вобля были даны по воплям купающихся.

Француженка возвращается из СССР, заходит в свою парижскую квартиру, идет в ванную, потом заваривает кофе, наливает рюмку коньяка, смотрит в окно на Эйфелеву башню, потягивается и говорит: «Шарман, бля, шарман».

Сегодня в нашем клубе выступит знаменитый испанский певец Хулио Иглесиас, что в переводе на живой русский язык означает: «Ну, что ж ты, Иглой балуешься?»

Иванушка-дурачок сидит на берегу реки и пишет на воде вилами нехорошие слова. Выныривает пушкинская золотая рыбка и говорит:

– Ты что, Ваня, совсем сдурел? Кругом мальки, молодь, а ты так выражаешься!

Русский язык настолько велик, что каждое слово можно преобразовать в матерное.

В итоге хочу подчеркнуть: вполне очевидно, что русский мат отражает не только и даже не столько ругательную сферу применения в речи, сколько показывает поистине глобальные возможности для русского языка, правда, употребить его можно в ограниченной сфере современного социума. Мощный потенциал неприличных слов в семантике, свободное их варьирование, прекрасная словообразовательная разработанность позволяют некоторым людям, вообще не выходя из рамок мата, выразить всё, что они пожелают. На помощь приходят мимика, жест, интонация, а также характерный ситуативный контекст.

Список использованной литературы

- Ангелова-Атанасова М. Топонимия на Горнооряховско. Велико Търново, 1996.
- Балкански Т. Западнородопските власи: Етнос. Етнонимия. Ономастика. Велико Търново, 1996.
- Брандт Р. Кое-что о нескольких словах // Русский филологический вестник, 1915, № 3/4.
- Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. СПб. – М., 1909, т. 4, с. 1244.
- Заимов Й. Български водопис. Географско описание, строеж и произход на имената, т. 2: К-Р, «Фабер», Велико Търново, 2012.
- Зализняк А.А., Янин В.Л. Берестяные грамоты из новгородских раскопок 2005 г. // Вопросы языкознания» 2006, № 3.
- Колесов В.В. Язык города. М., 1991.
- Корягин С.В. Непристойные фамилии у донского казачества // Летопись историко-родословного общества в Москве, 1997, №4-5.
- Подвальная Е. Из проблематики русской обценной лексики // Язгулямский сборник. СПб., 1996, №1.
- Пришвин М.М. Дневники 1928-1929. М., 2004.
- ПСРЛ-1 – Полное собрание русских летописей, т. 1: Лаврентьевская летопись. М., 1962.

- Чуковский К.И. Дневник 1901-1929. М., 1991.
- ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. М., 1981, вып.8.
- Brückner A. Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków, 1927.
- Fałowski A. “Ein Rusch Boech...” Ein Russisch-Deutsches anonymes Wörter-und Gesprächsbuch aus dem XVI Jarhundert. Köln, Weimar, Wien, 1994.
- Fałowski A. “Ein Rusch Boech...” rosyjsko-niemiecki anonimowy słownik i rozmówki z XVI wieku. Analiza językowa. – Kraków, 1996.
- Frencel 1978 – Słownik górnołużycki Abrahama Frencla (1693-1696). Opracował St. Stachowski. Wrocław etc., 1978.
- Völkel P. Prawopisny słownik hornjoserbskeje řeče. Budyšin, 1981.

Gennadiy Filippovich Kovalyov
Voronezh State University.
The department of Slavic Philology,

RUSSIAN *MAT* AND ITS REFLECTION IN JOKES

Summary: The article examines various aspects of the non-trivial existence of the so-called Russian swearing in everyday communication, such as issues of the origin and original semantics of the most ancient words in the Slavic language, as well as the issue of their modern understanding, evaluation and role in the national language. The author believes that in the distant past all the ancient vocabulary, now considered obscene, was common Slavic, sacred and in no way abusive or low. This equally applies to the actual “obscene” expression and to the vocabulary denoting the generative organs of a person. The issue of the functioning of swear words in modern Russian jokes is also considered.

Key words: mother, swearing, swearing, sacredness, names of human genitals, abusive language, taboo, common Slavic vocabulary, anecdote.